

УДК 30(470.67)

ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

С. А. Лугуев, А. Д. Эльмурзаева

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
Дагестанский государственный институт народного хозяйства

В статье преимущественно на основе полевого этнографического материала раскрываются мало известные в науке знаковые системы в традиционной свадебной обрядности народов Дагестана в XIX – начале XX века.

The article is primarily based on the field ethnographic materials revealing little-known sign systems of traditional wedding ceremonies of the peoples of Daghestan in the XIX – early XX centuries.

Ключевые слова: свадьба; сватовство; жених; невеста; родители; родственники; согласие; отказ; знаковая система.

Keywords: wedding; matchmaking; bride; groom; parents; relatives; consent; waiver; sign system.

Свадебная обрядность народов Дагестана представляет собой «устоявшуюся веками знаковую систему со строго закрепленным смысловым содержанием» [1].

В традиционном дагестанском обществе подбору брачного партнера всегда уделялось большое внимание. Учитывались и степень материального благополучия стороны, и родственные отношения. Предпочтения отдавались внутрисельским бракам, учитывался возраст брачующихся, вероисповедание, личностные качества и т.д. [2]. В подавляющем большинстве случаев браки совершались по выбору родителей, и если парень иногда мог отстоять свое мнение, то у девушки такого права не было [3].

О том, что соглашение достигнуто и согласие на брак стороны невесты получено, оповещались все родственники, друзья, соседи и односельчане. Однако среди людей, имеющих отношение к церемониалу предсвадебной обрядности, могли быть, а точнее – почти всегда бывали и лица, втайне не одобряющие брак по той или иной причине. Могли быть это и сами брачующиеся. Так, например, у чамалалов отец девушки, не совсем довольный потенциальным зятем, постоянно при посторонних делал выговор жене, дочери, сестре, тете и другим родственникам, что кушанье подается не вовремя, что на столе (собственно, на скатерти) не хватает соли, кувшина с водой, каких-либо специй и др. Делалось это не в грубой форме, не громко, но частое недовольство хозяина дома воспринималось как нерасположенность к будущему зятю. Дядя невесты у унчукатлинских лакцев подобного рода недовольство демонстрировал тем, что в общем разговоре почти не участвовал, на вопросы отвечал односложно, на шутки не реагировал. Мать невесты у андрейаульских кумыков проявляла недовольство будущим зятем, постоянно «забывая подать на стол хлеб, бульон, сыр, мясо, зелень, фрукты и проч. и «исправляла ошибку» лишь после неоднократных напоминаний. Сестра невесты у акушинских даргинцев в таких случаях являлась к гостям не в праздничном, а в повседневном платье, платке, обуви [4]. Брат невесты у балхарцев садился за праздничный стол, досыта ел какое-либо блюдо, не глядя по сторонам и не обращая ни на кого внимания, и удалялся [5].

Целая серия знаков применялась и в том случае, когда сторона жениха по той или иной причине не одобряла кандидатуру невесты. Мать парня у табасаранцев ходила хмурая, все ее злило и раздражало, она ни с кем не шутила, на добропожелания и поздравления отвечала сухо и однозначно. Так же вел себя и младший брат жениха у хунзахцев, но только по отношению к самому жениху. Сестра жениха у ахвахцев старалась не замечать будущей невестки, не шутила с ней, не говорила приветливых слов [6]. Друзья жениха, не одобрявшие его выбор, постоянно подтрунивали над ним, безобидно высмеивали рост невесты (большой или маленький), походку, голос и проч. У рутульцев жених, недовольный выбранной для него невестой, старался как можно реже навещать ее в доме родителей (местными обычаями это допускалось), а если и приходил, то чаще всего без подарков и долго не засиживался. У андийцев жених, посещая невесту, постоянно придирался к ней (то она чрезмерно смешливая, то слишком хмурая, и проч.). Невеста-лачка, недовольная женихом, по обычаю участвуя в хозяйственных работах семьи жениха

[7], делала это нехотя, с показной ленцой, небрежно, с подчеркнутой неохотой. У сюргинских даргинцев девушка, не одобрявшая выбор своих родителей, нарочито грубо обращалась с домашними животными жениха. У агулов жених, которому родители навязали нежеланную девушку в невесты, вопреки обычаям избегания часто публично задевал свою невесту, старался шуткой поставить ее в неловкое положение. Неодобрение выбора брачного партнера могли выразить и кунаки. Так, у каратинцев гость, не одобрявший кандидатуру жениха для дочери своего кунака, старался свое общение с ним довести до крайнего минимума и с подчеркнутым неудовольствием реагировал на его ухаживания (подать подушку, подвинуть к нему лучшее блюдо, убрать полупустую посуду перед ним и др.). У тиндинцев кунак, недовольный выбором хозяина дома девушки для своего сына, обычно ничем ее не одаривал. У ахвахцев мать посылала дочку в дом потенциального жениха с каким-нибудь поручением: отнести веретено, лопату для веяния, шерсть для пряжи и т.д. Если девушка все это оставляла у ворот дома или во дворе, не заходя в дом, значит, партия ее не устраивала [8]. У цезов мать посылала с той же целью дочь в дом парня, на которого имелись виды, и предлагала ей передать хозяйке семьи чурек и кусок курдюка. Если кусок курдюка оказывался под чуреком, а не на нем, значит, девушка была против этого партнерства.

А вот что пишет С.А. Лугуев о балхарцах: «Патриархальные традиции не позволяли девушке высказывать удовлетворение, радость по поводу прихода сватов или напротив, свое отрицательное отношение к подобранной родителями кандидатуре. За ней оставались возможность и право косвенно, посредством знаковой системы, проявить свое отношение к происходящему. Подчеркнутая застенчивость, безмолвное восприятие слов и выражений, добропожеланий в свой адрес со стороны сватов, опущенные глаза, пальцы рук, производящие манипуляции «закручивания и раскручивания нити», – все это символизировало позитивное отношение девушки к происходящему. Сваты, отвечая на вопрос об отношении девушки к сватовству, говорили: «Душ ххал ттирихълай бия» – «Девушка распутывала нити», т.е. выражала удовлетворение происходящим. Напротив, вздернутый подбородок, взгляд, устремленный мимо говорящего, руки, заложенные за спину, постоянные реплики на вопросы и добропожелания «Это спросите у моего отца», «Все это передайте матери», подчеркивали, что девушка покоряется воле родителей и только. «МурцІувун цДирхъбивкІун бия», – с досадой говорили о девушке родственники жениха («Уставилась (вытаращилась) в угол», «прочитав» личное несогласие на брак в ее поведении» [9].

У гунизбцев была такая универсальная форма демонстрации девушкой негативного отношения к выбранному для нее партнеру. На вопрос соседей, односельчан, правда ли, что ее сосватали или скоро будут сватать, девушка отвечала: «Да, меня родители решили выдать замуж» или «Да, это правда»: в первом случае девушка давала понять, что особых симпатий к предназначенному для нее жениху она не испытывает, а во втором случае в завуалированной форме давала понять, что она довольна.

Иногда выражение девушкой протеста против навязываемого ей жениха могло выходить за рамки местных норм культуры поведения. Так, например, в подобных случаях девушка из Гинуха выходила за водой, на ходу жуя кусок хлеба, чуду, сыра, мяса и др. Жевать за пределами своего дома, есть что-нибудь на улице, прилюдно для девушки считалось верхом неприличия [10]. Парень-кайтагец, недовольный выбранной для него невестой, выходил из дома, к друзьям, соседям в старой, мятой папахе, в стоптанной нечищенной обуви, в порванной рубахе и проч. Бежтинец из сел. Тлядал в подобной ситуации избегал присутствовать на различного рода молодежных собраниях, если знал, что там будет его будущая или состоявшаяся невеста. Напротив, он подчеркнуто активно посещал места, где собирались девушки и молодухи, у родника, например, или у общественной печи. Кумык из сел. Башлыкент в той же ситуации делал шутливые предложения девушкам, молодухам и даже зрелым женщинам. Все это, однако, преподносилось в шутливой, игровой форме, так, чтобы о серьезных намерениях парня на этот счет и речи не могло быть: иначе он мог серьезно оскорбить и женщину, и ее мужа, отца, брата, родственников. Девушки-цахурки, зная, что потенциальная партнерша по браку парня не устраивает, когда он находился неподалеку, пели, так, чтобы парень услышал:

«Если хочешь цветок сорвать,
Не торопись хвататься за чертополох,
Если хочешь жажду утолить,
Не пей перебродившее вино,
Если хочешь песню спеть,
Не вой, как собака или шакал,
Если хочешь черкеску носить,
Не носи войлочную накидку.

Для того чтобы знать, что тебе нужно,
На голове твоей красуется папаха».

Столь же беспощадны могли быть девушки-курклинки и к невесте, давшей согласие на брак с нелюбимым:

«Тебе придется делать веселое лицо,
Хотя оно будет морщиться от злобы,
Тебе придется быть радушной,
Когда хочется ото всех спрятаться,
Тебе придется быть ласковой,
Когда на душе одни проклятия,
Тебе придется пускать в постель мужчину,
От которого готова убежать в лес или в горы,
Тебе придется всех в доме ублажать,
Когда хочется поджечь этот дом.
Живи и радуйся, светоч наших очей,
Твоя счастливая судьба – в твоих руках».

Недовольная своим будущим женихом, арчинка пела в кругу близких друзей:

«Говорили – созреешь, уж лучше б я умерла в младенчестве,
Говорили, засватаем, уж лучше б я до этого дня не дожидая,
Говорили, ты будешь хозяйкой нового дома, да сгорит он
и все его имущество,
Говорили, у тебя будет много детей, – нужны ли они мне, я не знаю.
Ах, если б выслушал меня мой отец,
Ах, если б пожалела меня моя мать».

В кругу взрослых людей петь приведенные нами песни запрещалось, на этой почве неоднократно возникали серьезные перебранки, ссоры, скандалы.

А вот песня-жалоба чамалала, недовольного выбором невесты родителями, также исполняемая в кругу близких друзей:

«Расставил силки, хотел поймать куропатку,
Украли и силки и куропатку, а мне подарили ворону.
Наклонился к роднику, хотел напиться чистой, прохладной воды,
Со дна пошли ил, муть и грязь.
Отправился в горы подстрелить прекрасную лань,
Лань убежала, досталась другому охотнику,
Увидел фиалку, захотелось ее сорвать,
В руках оказалась ветка терновника.
Видно я Великому Создателю чем-то не угодил:
И люди против меня, и судьба против меня!»

По устоявшимся нормам при сватовстве получить согласие девушки, хотя бы формально, считалось обязательным. Когда такое согласие выспрашивалось у девушки из Ботлиха, она выходила к людям с каким-либо предметом в руках: клубками пряжи, яблоками, шерстяными носками и др. Если девушка, вынужденная дать положительный ответ, как бы незначай роняла один или оба предмета, то это означало, что она лично не согласна, но готова выполнить волю родителей. Девушка-годоберинка в подобной ситуации немногословно приветствовала двоих-троих посланцев жениха, демонстрируя тем самым удовлетворенность предстоящим сватовством. Девушка-багулалка, демонстрируя свое негативное отношение к происходящему, поступала проще: она становилась к собравшимся не прямо, лицом к лицу, а несколько вполборота, боком.

Хваршинец, вынужденный согласиться с выбором родителей, вел себя шумно: постоянно смеялся, невпопад острил, в разговоре перебивал старших и проч. Кубачинка тоже могла продемонстрировать свое недовольство выбором родителей: она выходила к гостям без единого ювелирного украшения. Лезгинка, демонстрируя довольство выбором родителей, давала согласие плача и закрыв лицо руками.

Терекеменка, отвечая на вопросы, согласна ли она выйти замуж за выбранного для нее родителями жениха, либо отвечала односложно «да» или просто кивала головой, либо выражала согласие более пространно: «Да, я согласна». Полная ее удовлетворенность обозначалась

именно этим последним вариантом. У терекеменки было два варианта ответа: «Я сделаю так, как считают нужным мои родители» и «Я согласна на магар, потому что так считают мои родители». Второй вариант ее ответа означал, что она ничего против жениха не имеет. Дагестанская азербайджанка, если она была довольна выбранной для нее партией, должна была выразить свое согласие после третьего повторного вопроса; если она отвечала утвердительно только после пятого-десятого вопроса, значит, она всего лишь подчинялась воле родителей.

Таким образом, при всей традиционной строгости нравов, когда молодые люди, особенно девушки, вынуждены были дать свое согласие на брак, за ними оставалось право воспользоваться издавна устоявшейся знаковой системой, которая, впрочем, ничего не решала, а рассматривалась всего лишь как дань стародавней традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1988. С. 144.
2. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана. М.: Наука, 1985. С. 143–145.
3. Там же. С. 175.
4. Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX – начало XX века. Махачкала, 2006. С. 92.
5. Лугуев С.А. Балхарцы. XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008. С. 174.
6. Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала, 2008. С. 209.
7. Булатова А.Г. Лакцы (XIX – нач. XX вв.): Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 144.
8. Лугуев С.А. Ахвахцы. С. 211.
9. Лугуев С.А. Балхарцы. С. 117.
10. Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев. С. 109.

Поступила в редакцию 20.12.2011 г.
Принята к печати 26.06.2012 г.